

социального работника – поддержать, ободрить и стимулировать людей на развитие их способностей, знаний и умений. То есть вместе с детьми, вместе с взрослыми, а не за них – главная заповедь социального работника.

В интересах личности формы социальной помощи не должны носить характер благотворительной подаяния. Социальный работник призван развивать различные виды самопомощи, поддерживать и стимулировать людей на развитие их собственных сил, конструктивную деятельность, использование их внутренних резервов.

Однако о архетипических чертах русских, для которых важнее коллективизм, чем индивидуализм, верование, чем рефлексия, правила морали, чем закон, страдания, чем радость, переживания грусти, чем счастья, – нужно помнить и учитывать их в организации социальной помощи населению. Для того чтобы научить человека содействовать социальному работнику в интеллектуальном, ценностном и эмоциональном овладении проблемой, необходимо четко понимать психологию клиента, самому иметь установку на активное и рациональное решение проблемы клиента, а также владеть навыками формирования этой установки у подопечного. Специальное образование – наиболее целесообразный путь становления компетентного социального работника, знающего психологические и иные аспекты своей профессиональной деятельности.

А.А.Коряковцев

Осадная башня во рву Вавилона: критическая социология марихуаны

Вещества, вызывающие измененные состояния сознания (психотропные вещества), подразделяются на несколько типов: возбуждающие средства (кофе, чай, табак, амфетамины, кокаин), нейродепрессанты (алкоголь, барбитураты и транквилизаторы), галлюциногены и психоделики (ЛСД, марихуана, гашиш) и опиаты (морфин, кодеин) [1]. Все они различаются по способу воздействия на человека, по степени ущерба, наносимого его здоровью (или, наоборот, от-

существованию такого ущерба). Различаются они также распространенностью и социальным статусом.

Некоторые из них, такие как чай или кофе, общепотребительны, другие считаются вредными, но употребление их обществом допускается, а в ряде случаев – даже поощряется (алкоголь и табак), третьи вообще запрещены и незаконное использование их влечет за собой уголовную ответственность. Чем обусловлена такая разница в отношении к ним? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим ситуацию, сложившуюся с самым распространенным из запрещенных психотропных веществ – *марихуаной*.

В Америке марихуаной называют препарат, приготовляемый из листьев индийской конопли (*cannabis indica*) – наиболее психоактивной среди всех трех видов конопляных растений. Употребляется он в процессе курения для проникновения вовнутрь организма психоактивных ингредиентов – тетрагидроканнабинолов (ТГК) и еще 60 веществ, обладающих сходными свойствами. Употребляется ради достижения специфического состояния, характеризующегося физической и психической релаксацией, ощущением комфорта, обострением и уточнением ощущений, активизацией образного мышления, изменением восприятия пространства и времени, повышением аппетита, раскованностью поведения и т.д. (эти сведения приводим по книге Ch. Tart «On being stoned» (N.-Y., 1971); кроме того, прямые или косвенные описания воздействия марихуаны на состояние человека содержатся в битнической литературе, а также в современном кинематографе, например, в фильмах К.Тарантино и М.Антониони).

Существует множество исследований влияния марихуаны на организм человека. Самые масштабные из них проводились американцами и индийцами, вероятно, потому, что в этих странах марихуана имеет наиболее широкое хождение.

В 1975 г. Центр по изучению наркотиков и наркомании при Национальном институте психического здоровья США после изучения состояния любителей психотропных продуктов конопли на Ямайке, вкушавших сие зелье на протяжении 12–30 лет, констатировал: «У субъектов не выявлено никаких признаков органического поражения мозга или хромосомных нарушений, а также никаких значительных клинических (психиатрических, психологических или

медицинских) различий между курильщиками и контрольной группой» [2, р. 191].

Скрупулезное химическое исследование показало, что марихуана характеризуется гораздо меньшей токсичностью, нежели табак. Для умерщвления одной мыши требуется количество токсических веществ в 40 тысяч (!) раз превышающее то, которое содержится в одной начиненной марихуаной самокрутке, тогда как количества никотина, содержащегося в пачке сигарет, достаточно, чтобы при быстром одновременном введении убить человека [2].

Специалисты утверждают, что курение марихуаны не вызывает физической зависимости. Последняя является следствием нейроадаптации, а ее с гораздо большим успехом порождают алкоголь, табак и опиум [1, 3]. То же самое специалисты говорят и о зависимости психической. Что же касается психических расстройств, возникающих в результате потребления марихуаны, то таковые возникают только при чрезмерном превышении «индивидуальной нормы». В Индии было проведено специальное исследование 466 потребителей каннабиса. Из них только у 9 были зафиксированы случаи психоза [3]. Малое количество подобной патологии, очевидно, говорит лишь об индивидуальных особенностях психики этих лиц, проявление которых спровоцировано марихуаной.

По поводу же связи моральной деградации личности с употреблением каннабиса мы склонны думать, что она начинается *до*, а не *после* его потребления. (Разумеется, эта констатация лишь означает, что он не является причиной такой деградации, но мы не хотим сказать, что *он не может не быть ее агентом*, правда, в большей ли степени, чем алкоголь, карьера или садовый участок?). Во всяком случае талант Ш.Бодлера, Т.Готье и А.Дюма-отца после начала регулярного потребления каннабиса не иссяк (хотя, разумеется, и не увеличился).

И наконец, вот вывод американской Академии наук, сделанный в 1982 г. после тщательных и многочисленных исследований вопроса: «Отсутствуют убедительные доказательства того, что марихуана вызывает у людей необратимое, длительное расстройство здоровья или привыкание, что она ведет к употреблению более сильных наркотиков, что она воздействует на структуру мозга и вызывает генетические нарушения» [2, р. 190].

Даже напротив, известно использование каннабиса в народной медицине Китая, Индии, Египта, Тибета и Дальнего Востока. В Европе настойки и экстракты на основе разных видов конопли с середины XIX в. применялись для лечения бронхиальной астмы, болезненных менструаций, мигрени, судорог, бессонницы, при морфинной абстиненции и, без особого ажиотажа, открыто продавались в аптеках. А в 1974 г. американский доктор Ф.Блэнтон успешно применил каннабис для лечения глаукомы [4].

Все вышесказанное (даже если мы не имеем дело с фальсифицированными данными), конечно, не говорит о том, что марихуана как таковая должна быть рекомендована к повсеместному употреблению как безусловно полезное для здоровья снадобье, вроде шиповника или смородинового отвара. Известно, например, что регулярное ее курение ухудшает память, закрепляет (именно закрепляет, а не порождает) жизненную пассивность, вызывает учащение сердечного ритма, повышает кровяное давление, а в чрезмерных дозах расстраивает моторную координацию [1].

Наконец, как бы там ни было, но уже само по себе то, что каннабис деформирует восприятие мира (что не отрицают даже сами идеологи марихуаны), пусть даже размеры этой деформации и не катастрофичны, делает не разумным его потребление. Однако из вышеперечисленных исследований следует одно: вред от каннабиса сопоставим с тем вредом, который наносит человеческому организму алкоголь и табак (легальные психотропные вещества). Чего нельзя сказать, например, о более сильных наркотиках, например, опиуме или кокаине.

Эта сопоставимость, вероятно, и сделала возможным легализацию марихуаны (единственного из веществ, известных как «наркотические»), в некоторых странах Европы: де-юре в Нидерландах и Италии, де-факто в некоторых землях Германии. А 13 североамериканских штатов в недавнее время существенно смягчили свое законодательство по отношению к хранителям и потребителям каннабиса.

И все-таки остается в силе Женевская конвенция, принятая в 1925 г., которая причисляет марихуану к наркотическим веществам и запрещает ее разведение, потребление и распространение, — она подписана абсолютным большинством развитых стран. В согла-

сии с этой конвенцией находится и законодательство этих государств. В некоторых североамериканских штатах за хранение «травы» суды дают 5 лет, а за перевозку – 20 лет тюрьмы. В Великобритании соответственно – 5 и 14 лет, в России – от 3 до 10 лет, в Иране и Китае за манипуляции с каннабисом полагается смертная казнь (в Китае – публичная).

Несмотря на репрессивные меры, по данным ООН, в 1980-е гг. в мире насчитывалось 300 млн регулярных потребителей марихуаны. За тридцать лет (с 1950 по 1980 гг.) их ряды увеличивались ежедневно (!) на 10 тыс. чел. [4].

Причина такой популярности очевидна: марихуана без видимого существенного ущерба для физического и психического здоровья выполняет важную компенсаторную функцию, необходимую для человека потребительской цивилизации, не имеющего внутренних, креативных средств создания душевного комфорта и в ситуации «экзистенциального вакуума» (В.Франкл) прибегающего к внешним, иллюзорным способам, его порождающим.

Следовательно, причины распространенности каннабиса коренятся в общих социопсихологических характеристиках современного «общества потребления» – «больного общества» (Э.Фромм). Употребление как «сильных», так и «слабых» психотропных средств является *необходимым элементом* его нормального функционирования, поскольку они помогают справляться со стрессами, помогают переносить физические и психологические перегрузки и позволяют заполнить жизненную пустоту, одним словом, служат ответом на конкретные социопсихологические проблемы, порождаемые естественным для данной модели общества развитием.

Поэтому последовательной антинаркотической кампанией может быть лишь та, которая является частью общей критики экономических, психологических и нравственных основ этого общества, порождающего нужду в деструктивном потреблении психотропных веществ. Отказ от такой последовательности – лицемерен. Широко распространенной разновидностью этого лицемерия является осуждение «наркотиков» при терпимости к алкоголю и табаку: патологическое изменение сознания при потреблении последних допускается, коль скоро оно вписывается в господствующие в обществе традиции и предрассудки, состоятельность которых не подвергается

в данном случае сомнению. Оно и понятно: пьяный (как, впрочем, и обкуренный) народ, как известно, плохо работает, но зато легко подвергается манипуляциям, необходимым для управления им, и, стало быть, для закрепления данной модели общества.

Итак, перед нами проблема, за которой скрываются вполне определенные реалии современного «общества неудовлетворенности»: если по отношению к алкоголю и табаку, выполняющим ту же функцию, что и марихуана, общество ведет себя честно, не запрещая их потребление, коль скоро они ему необходимы, то по отношению к каннабису оно лицемерит, ставя его вне закона, несмотря на сопоставимость вреда, причиняемого им, с вредом, причиняемым легальными психотропными веществами. Чем объясняется такая непоследовательность?

Во-первых, на то есть исторические причины. Алкоголь и табак появились в западном мире раньше, нежели стал очевиден причиняемый ими вред человеческому здоровью. Широкое распространение водки в Европе приходится на XVII в. (очевидно, потребовалось «обмыть» последствия тридцатилетней войны и снять вызванный ею стресс), табака – на позднее Возрождение (завершение эпохи Великих географических открытий). Первоначально европейцы обращали свое внимание главным образом на их положительные качества: повышение жизненного тонуса и т.д. (вспомните ритуальное пожелание собутыльников: «На здоровье!»).

Но к началу XX в. эти иллюзии исчезают, в обществе начинает доминировать критическое отношение к психотропным веществам вообще и к алкоголю в частности. В некоторых странах (США, Финляндия) дело доходит до принятия «сухого закона». Антиалкогольная кампания 1920-х гг. не случайно совпадает с принятием вышеупомянутой Женевской конвенции, запретившей марихуану: наступившая эпоха относительного материального благополучия не нуждалась ни в нейродепрессантах, ни в галлюциногенах, ни в том, чтобы снимать стресс, ни в том, чтобы его иллюзорно преодолевать; в эпохи экономического процветания психологические проблемы утрачивают массовость.

Но время было упущено. За прошедшие столетия пристрастие к крепким алкогольным напиткам и табаку в развитом индустриальном мире приобрело прочность народного предрассудка. Все кампа-

нии борьбы с ними (особенно с первыми) неизбежно заканчивались посягательством агрессивных адептов здорового образа жизни. Их посягательства на «любимый напиток рабочего класса» в контексте «восстания масс», рабочего освободительного движения стали выглядеть вообще как посягательство на права пролетариата, ставшего достаточно организованной силой, чтобы защитить свои интересы, или, по крайней мере, как покушение на частную жизнь полноправного гражданина общества. Поэтому подавляющее большинство стран были вынуждены признать легальный статус алкоголя и табака незыблемым во веки веков, ограничившись антиалкогольной и антитабачной пропагандой (или просто болтовней).

Во-вторых, распространение в западном мире остальных психотропных средств произошло значительно позже, когда вакантные места на выполнение социально обусловленной компенсаторной функции оказались занятыми алкоголем и табаком, на производство которых уже были брошены значительные капиталы. Не секрет, что коноплю или мак выращивать значительно дешевле, чем табак, этим может заниматься любой энтузиаст на подоконнике в цветочном горшке или на садовом участке. Но в этом случае погибнут целые отрасли современной индустрии – табачная и винно-водочная. Для некоторых стран это будет обозначать сокрушительный экономический коллапс, и в конечном счете пострадают не только любители затуманить свое сознание, но и ни в чем неповинные «трезвенники и язвенники».

Так перед нами вырисовывается еще одна причина дифференцированного отношения к психотропным веществам – политико-экономическая, связанная с интересом господствующих в обществе социальных слоев. Очевидно, что уравнивание в правах алкоголя, табака и каннабиса в некоторых странах приведет к перераспределению доходов, в чем они не заинтересованы. (Борьба с марихуаной приводит к тому же, но в их пользу.)

И наконец, третья причина – социокультурная. Как уже было сказано, в XIX в. каннабис в большей степени использовался как лекарственное средство. Этот век вообще не знал проблемы наркотиков. Наркотические свойства психотропных веществ использовались либо в узкой среде артистической богемы, той, что находилась под обаянием романтических «интуиций», либо в среде изнывающего

от безделья и скуки аристократического общества (во время припадков меланхолии Шерлок Холмс, как известно, не только играл на скрипке, но и курил опиум, подобно, как говорят, своему создателю Артуру Конан Дойлу).

Ситуация радикальным образом меняется в начале XX в. Революции, войны сделали необходимыми более мощные нейродепрессанты и стимуляторы физической активности, а становление потребительской цивилизации обострило проблему смысла жизни и обусловило нужду в галлюциногенах и психоделиках. В результате у человечества появилась проблема наркотиков.

Сравнительный анализ социального бытования алкоголя, табака и марихуаны свидетельствует, что понятие «наркотик» характеризует не само вещество, а его *социальную роль*, признаваемую обществом деструктивной. Табуизации подвергается не просто что-то вредное, а лишь то, использование чего в силу тех или иных причин полагается социально-вредным. Сопоставимое с ним по своему воздействию на человеческий организм вещество наркотиком не считается, поскольку его потребление освящено традицией. Но если «на Руси веселию не быти, коли вина не пити» (Владимир Красное Солнышко), то почему бы на Ямайке кайфа не словити, коли ганджа не скурити (ганджа или гандж — одно из названий марихуаны)? Общество исподволь создает «наркотики» как средство разрешения проблем, которые оно не желает считать существенными или даже существующими и которые оно не может решить разумно.

Рождение наркотической проблемы и «наркотиков» в XX в. связано с психологизацией социального отчуждения и атомизацией индивидуальной жизни. Эти процессы обусловили новый социальный бунт и особенности этого социального бунта [5].

В XX в. часть пуль, выпущенных в тиранов, изменили траекторию и впились в самих тираноборцев. За падением одной деспотии последовало рождение еще более совершенной. Это стало не только личной катастрофой революционеров, но и крахом всей их ценностной парадигмы. По мере углубления этого кризиса экзистенциальные проблемы вообще изгоняются из общественной истории в сферу частной, глубоко субъективной, замкнутой рефлексии. И чем больше с развитием демократии расширялась сфера личностной самореализации, тем более архаичной становилась ценно-

стная парадигма прежней социальной критики, растворявшей индивида в «революционной массе».

Социальные проблемы психологизировались, и социальная критика становилась преимущественно критикой психологической и экзистенциалистской. В результате индивид оказался один на один с гамлетовским вопросом, который как радикальная антиномия в этих исторических условиях стал скорее ответом на все предыдущее социальное развитие.

Точка зрения изолированного индивида, постигшего, с одной стороны, разрушительную сущность господствующих социальных институтов, а с другой – превратный характер массового движения против них, была принята социальной критикой. В соответствии с этим изменились средства, сфера и жертвы социального бунта. Местом социальных битв стало сознание индивида, которое следовало «изменить», чтобы стать свободным, («Break on through to other side») («Прорвись на другую сторону») – эти слова из песни Дж. Моррисона стали лозунгом новых инсургентов.)

Под «другой стороной» здесь имеется в виду именно некий скрытый творческий потенциал сознания, не замутненный социальными идеологиями и мифами. Или вот пара афоризмов одного из самых блестящих мыслителей того бунтующего поколения – американца Э.Хоффмана: «Не надо насилловать людей, насилуйте лучше идею»; «Я понимаю воспитание так же, как понимал его Сократ: как подрывную деятельность». Средством (отнюдь, правда, не единственным; другим таким средством стала новая музыка и вообще новое «альтернативное» искусство «волосатых молодых людей» 1960–1970-х гг.) такой трансформации стали различные психотропные вещества.

Можно сказать, что они стали тем же, чем были баррикады для революционеров старшего поколения – средством разрушения старого мира. «Если прежние инсургенты стреляли в своих врагов, то новые стреляют в себя». Здесь «бунт мыслится как революция сознания», и если полем битвы становится сознание индивида, то «е жертвой – или победителем? – становится сам индивид» [6, с. 39–40].

Таким образом психотропные вещества стали средством индивидуального выхода за пределы социально детерминированного поведения и обретения новых, более конформных способов общения и

жизни, «стимуляторами “высокой духовности”» (С.Вискунов). Такая роль издавна предписывалась алкогольным напиткам. Достаточно вспомнить великого Франсуа Рабле с его знаменитой «Беседой во хмелю», лирику Омара Хайяма, Франсуа Вийона, Сергея Есенина и продолжающего ту же традицию «Венечку» Ерофеева, для которого водка и родственные ей напитки помогают ощущать причастность к «высшим» смыслам и ценностям.

Однако в XX в. водка и табак для выполнения этой функции стали недостаточны. Это связано, во-первых, с их официально-признанным статусом. Разве сподвигнет на «break on through» зелье, рекомендуемое рекламой для «культурного» отдыха? Во-вторых, «приход» от водки совсем другой, чем, например, от «травы». Последняя расслабляет, первая – возбуждает. Потребители водки гораздо чаще машут кулаками и топорами, чем потребители марихуаны. Почему? Это уже другой вопрос. Но это не антибуржуазный бунт, а мелкое хулиганство.

Итак, новым бунтарям потребовались вещества, более гибко воздействующие на человеческую психику и позволяющие «экспериментировать» с ним. В число их, обладая подходящими свойствами, попала марихуана, став также атрибутом «социально-деструктивных» слоев и выпадающего из рамок социальных традиций (а потому признаваемого «деструктивным») поведения. Поэтому она также оказалась табуизирована и выделена из семейства психотропов в качестве «наркотика».

Так началось ее участие в истории психоделиков, в истории, летописцами которой были Карлос Кастанеда, Джек Керуак, Тимоти Лири, Уильям Берроуз, Олдос Хаксли, Том Вульф, Тереке Маккена и др. Истории, выведшей ее из жизни биологической в сферу жизни культурной. В неконформистской среде возникло целое движение – психоделическое, которое, наследуя традиции карнавальной культуры Европы и африканского растапанства, воспевало «креативные» свойства марихуаны и использовало ее специфическое воздействие на человеческую психику в целях стимуляции и обогащения творческого процесса.

Эстетические достижения этого движения – выдающиеся. Практически вся рок-музыка 1960–1970-х гг. и многочисленные литературные тексты тех лет созданы под воздействием этого движе-

ния. Однако утверждать, что каннабис является *причиной* его успеха, не менее нелепо и пошло, чем видеть в нем причину личностной деградации. В обоих случаях он служит *агентом* определенных процессов, но сам не является заменителем процесса ни моральной эволюции, ни тем более творческой деятельности.

Величие шедевра не измеряется количеством выкуренных во время его создания «косяков». И феномен искусства обретает эстетическую значимость лишь постольку, поскольку по своему содержанию он выходит за рамки глубоко личных переживаний отдельного субъекта и воплощает некие всеобщие смыслы и ценности. Сколько не «интериоризируй» всевозможные стимуляторы, талант они не сформируют, а только лишь скорректируют восприятие мира. И всегда ли в нужном для художника направлении?

Психоделическое движение исчерпало себя тогда, когда оказалось решенной историческая задача, объективно стоявшая перед ним: покончить с господством репрессивной этики протестантизма и других культурных форм эпохи восходящего развития капитализма. Используя средства массовой информации, новые технологии, свой собственный творческий гений и особенности общественного сознания «постиндустриальной» эпохи, «волосатые молодые люди» 1960–1970-х гг. создали культуру, адекватную современному «обществу потребления». Как это часто бывает с революционерами, они полагали перевернуть мир, а на деле лишь усовершенствовали жизнь тому самому обывателю, против господства которого восставали.

Провозглашенный ими принцип раскрепощения потребностей стал «идеей фикс» этого общества. Но так же, как песни «The Beatles» лишились своего обаяния в позднейших техномейках, так и содержание этого принципа оказалось выхолощенным и сниженным до банального потребительского вещизма. А психоделические эксперименты с сознанием, которым придавался революционный смысл, неожиданно обнаружили свою истинную бесплодность, став одним из средств и ритуалов эскапизма. И осадная башня штурмующих стены Вавилона – потребительской цивилизации – опрокинулась в его ров – марихуана превратилась в обыкновенное курево, небо и мозги коптящее, тем самым став адекватной для выполнения своей *реальной* социальной роли – служить средст-

вом реализации компенсаторной функции потребительского общества.

Физическое и психическое здоровье как самодовлеющая ценность иррационально. Делать свой собственный организм целью своего существования удел не человека, а животного, которое «сливается со своей жизнедеятельностью» (К.Маркс). Человек же использует свой организм как средство реализации своей универсальной социальной природы.

Иначе говоря, физическое и психическое здоровье есть условие творческой деятельности человека и только как таковое блюсти его должно. И всякий смысл в этом исчезает, если оно используется обществом для деструктивных целей, например, для войны. О каком здоровье индивидов может идти речь, если оно служит для насаждения общественного нездоровья? Новобранцы занимаются членовредительством, чтобы избежать отправки в очередную «горячую точку». Так при определенных общественных условиях болезненное состояние человека оказывается средством сохранения жизни.

Цинично в этой ситуации, когда здоровый организм обуславливает превращение человека в «пушечное мясо», убеждать их «позаботиться о своем здоровье». Не менее цинично (и неэффективно) говорить об этом человеку, утратившему смысл жизни и пытающемуся найти его в вине и наркотиках, не предлагая ему взамен ничего, кроме скуки и рутины потребительских ценностей. Здоровье лишается всякого смысла, как только утрачивает смысл сама человеческая жизнь.

Критическая социология марихуаны (одного из общественно признанных «наркотических» средств) обнаруживает, что борьба против последних в рациональном смысле – это борьба разных парадигм общественного развития и ценностей, их выражающих, а не борьба с вредным и ядовитым веществом ради абстрактного самодовлеющего «здорового образа жизни». Любая кампания борьбы против алкоголя, наркотиков или табака, лишенная гуманитарных, социокритических аспектов, конечно, поможет кое-кому заработать и деньги, и авторитет, и повысить политический рейтинг, но в конце концов лишь подтвердит их объективную, социально обусловленную *необходимость*.

1. *Годфруа Ж.* Что такое психология?: В 2 т. М., 1992. Т. 1.
2. *Stafford P.* Psychedelics Encyclopedia // Ronin Publishing. 1992.
3. *Grinspoon L.* Marihuana Reconsidered. Quick American Archives, 1994.
4. *Блэнтон Ф.* Cannabis: Мифы и реальность // Забриски-Райдер. 1997. № 5.
5. *Коряковцев А.А.* Хроника одной трамвайной поездки // Урал. 1999. № 5.
6. *Коряковцев А.А.* Как покончить жизнь самоубийством, не причинив вреда себе и окружающим? Екатеринбург, 1996.

Н.Ю.Масленцева

Насилие как социальная проблема

Насилие является одной из актуальных проблем современного общества. Ежедневно совершаются десятки, сотни действий, носящих агрессивный характер, приводящих к тяжелым последствиям для пострадавших. Каждый человек когда-либо подвергался той или иной форме насилия. Низкая социальная защищенность, невозможность или неспособность противостоять агрессии других людей свидетельствуют о том, что человеческое общество пока не в состоянии уменьшить уровень насилия, снизить угрозу опасных деструктивных последствий.

В широком смысле термин «насилие» обозначает применение силы либо разного рода угроз по отношению к определенным социальным субъектам или их собственности с целью запугивания и принуждения к определенным действиям (Н.Аберкромби, Е.Старк, У.Фрейзер и др.). Насилие может трактоваться и как определенные виды действия и бездействия, которые имеют место в рамках различных отношений. Это понятие используется в узком смысле для обозначения случаев физического нападения, когда насилие может принимать различные формы противоправных физических и сексуальных действий. Подобного рода насилие может иметь различные